

Известия - 1999 - 6 июля - с. 7

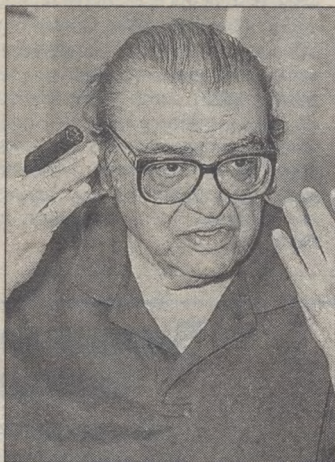
Голос за кадром

На 79-м году жизни умер автор «Крестного отца»

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Есть школьный вопрос: что хотел сказать автор своим произведением? К Марио Пьюзо, написавшему всемирно известный роман «Крестный отец», столь наивная формула неприменима. История доброго убийцы Вито Корлеоне, который создает Семью, шаг за шагом поднимается вверх по мафиозной лестнице, ведущей вниз, — и в конце концов передает лиру молодому и страдающему мерзавцу Майклу, давно доказала свою способность изгибаться в любом направлении. Из главной книги Марио Пьюзо можно вычитать все что угодно; с момента выхода в свет (1969) она не раз меняла значения, как змея меняет старую кожу. Причем никто не навязывал «Крестному отцу» новых прочтений; от десятилетия к десятилетию происходил самопроизвольный сдвиг всепримлемой смысловой структуры, привыкшей колебаться вместе с линией партии читателей. (Есть такая партия, и от ее взносов многое в жизни любого писателя зависит.)

Консервативный поклонник семейной хроники в духе «Буд-

Марио Пьюзо

денброков» без труда находил здесь старомодно-эпопейные черты. Бунтарь из поколения 1968 года (как раз в это время роман задумывался) радостно обнаружил социальный пафос: вся Америка — вишневый сад, он же малина; мафия всего лишь сгусток реальных буржуазных отношений. Любитель бездумного криминального чтива смаковал хитросплетения гангстерского сюжета. Когда же, в эпоху зрелой перестройки, «Крестного отца»

наконец перевели в России и даже напечатали в «толстом» литературном журнале «Знамя», романная губка всосала в себя новые подтексты. «Анатолий Иванович, как вы относитесь к мафии? — Отношусь, отношусь. И все Политбюро относится».

Наверное, накануне 17 августа в описаниях клана Корлеоне прочитывалось нечто олигархическое, зловеще-березовское; сейчас, когда в России олигархов почти не осталось, актуальные смыслы потеснены философскими: нехорошо идти к добру путями греха, да что поделывать. Есть время обличать «великую криминальную революцию» и время поэтизировать «Ворошиловского стрелка»; время уповать на героическое беззаконие Гдяна и Иванова и время наблюдать за личной жизнью солнцевского министра юстиции и египазарьяновского прокурора. И всегда, в любом контексте, на любом фоне — время читать «Крестного отца», вышедшего тиражом 21 000 000 экземпляров.

При этом статью о Марио Пьюзо, дважды оscarоносце, бесполезно искать в Большом энциклопедическом словаре. Ладно, допустим, что БЭС советского образца попутал; но нет этого

имени ни в «Литературном энциклопедическом словаре», ни в последней электронной версии «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия». Фрэнсис Форд Coppola, снявший по роману Пьюзо трилогию «Крестный отец» (первый фильм — 1972), есть; Марлон Брандо и Аль Пачино, сыгравшие обаятельных главарей гангстерского клана Вито и Майкла, имеются; Пьюзо, придумавший сицилийскую семью американских мафиози, — отсутствует. Он автор множества других книг о мафии, изданных внушительными тиражами (самые популярные из них — «Сицилиец», «Последний дон»); они издаются и переиздаются, они есть, но их как бы и нет, потому что по ним не сняты фильмы. И реклама его последнего, только что законченного романа «Омерта», который выйдет к началу следующего года, наверняка будет строиться на киноцитатах, а не на отсылках к предшествующим публикациям. Такая судьба многих популярных писателей XX века: экранизация приносит им всемирную славу, она же превращает их книги в литературное приложение, словесный довесок к самому массовому из искусств.